

Осведомители неподкупности за свой счёт

В странах Евросоюза, еще в школе обучают тому, как важно занимать активную гражданскую позицию и уведомлять власти о каких-либо нарушениях о которых им стало известно. Считается что с привлечением всех заинтересованных сторон, может быть построено общество, дружественное каждому. Те, кто сообщают о возможных случаях коррупции называются «осведомителями» единственной обязанностью которых является действовать в духе доброй воли. Властям отводиться определить, было ли совершено нарушение.

Основываясь на положительном примере Запада, молдавские власти в последнее время заявляют о готовности сотрудничать с гражданами. Таким образом, разными путями, но все более настойчиво, граждан призывают уведомлять власти о преступлениях. На самом деле, пока, мало тех кто возлагает на себя эту роль, потому как чаще всего осведомители остаются непонятыми обществом и незащищенными от преследований.

Николай Петрович знает не понаслышке, что такое идти против течения. В селе, где каждый второй добывает на пропитание незаконной добычей камня и жжения извести, эколог, даже если с благими намерениями, воспринимается как чужак

“В 2007 прогремели такие взрывы что казалось началось землетрясение. Я был дома. Сотрясались дома, бились стекла, двери. Они использовали динамит, делали отверстие в камне, закладывали динамит и взрывали. Я обращался в прокуратуру города Единец. Думал они решат вопрос. Ходил туда каждый день, говорил что и как делается. Но они ничего не предпринимали, Также бездействует и сегодняшняя прокуратура.

Николай Петрович оценил объем украденного камня в селе Тринка за последние годы. Это даже несмотря на то что с 2006 г. зона была объявлена прородным памятником и законом предполагается что власти должны его защищать.

“До 2011 года ущерб составил 77 млн лей, но с 2011 года были еще хищения приблизительно в размере черырёх тысяч кубов камня. Я писал во все инстанции: и в антикоррупцию, и в прокуратуру, и ничего...

Помимо хищения камня, писал жалобы по факту жжения извести на открытом воздухе и загрязнения воздуха. За особые заслуги и настойчивость, Николай Петрович был награжден орденом «Meritul Civic». В нашем селе около 20 печей по обжигу извести, это второй Чернобыль. Если Петрович приходит то всех ловит, Олег Брега тоже приходил, всех поймал. А когда приходит полиция никого поймать не могут. Я ходил по инстанциям, тратил деньги и здоровье. Писал мешки писем. Вместо того чтоб купить мешол угля, я писал письма», говорит Николай Петрович.

Наглядным примером того что система часто невосприимчива к жалобам извне, является дело об изнасилованиях в психоневрологическом интернате города Бельцы. В этом случае, адвокат Дойна Иоана Стрэйстяну первая сигнализировала, в качестве омбудсмана по психиатрическим учреждениям.

«Я очень хорошо помню, январь 2013 года, когда родственники моей клиентки подали жалобу в полицию, об изнасиловании. Они поддерживают связь. Моя клиентка была первой жертвой. (...) Полиция расследуя одну жалобу собрало 18 жалоб от женщин, которые подтвердили злоупотребления и изнасилования одним и тем же врачом», говорит адвокат Дойна Иоана Стрэйстяну.

По настоянию адвоката, это был первый раз за последние двадцать лет, когда бенефициарам Психоневрологического интерната в Бельцах уделили внимание. Около двух десятилетий женщины писали письма, тем кто должен был их защищать, чтобы рассказать о том что там происходит.

«Три адвоката работали. У каждого из нас было по несколько жертв, которых мы защищали на протяжении многих лет. Я включилась в начале 2014 года, когда дело было уже в суде, но заседания откладывались, тянули время. (...) Прокуроры пытались замять дело в отношении обвиняемого. (...) На самом деле, не только изнасилование произошло в этом интернате. Девочек насиловали, делали принудительные аборты, били, держали в заперти. (...) Жертвы психоневрологическом интернате в Бельцах десятки лет подряд жаловались на злоупотребления, которые имели место. Сначала они жаловались в Министерство труда, семьи и социальной защиты, а затем в прокуратуру мун. Белць. (...) Жертвы давали фамилии чиновников на чьи имена писали жалобы. После проверки информации, оказалось что действительно такие люди, в то время там работали и отвечали за контроль психоневрологического интерната мун. Белць», признается, Виолетта Гашицой, одна из адвокатов.

После того как в течении трех лет адвокаты обивали пороги учреждений, в октябре 2016 года, суд Бельц принял первое решение по этому делу. Главный врач, обвиняемый в изнасилованиях, был приговорен к 13 годам лишения свободы, но был отпущен в зале суда. Решение суда трудно не поддается пониманию, жертвы бояться за собственную жизнь.

Злоупотребления констатируются и в других областях. Мало кто не знает о мошенничестве в банковской системе Молдовы. Два года прошло с начала публичных обсуждений экспертами - на телевидений и обычных людей - на кухне.

Мы почувствовали неладное в банковской системе еще в 2011-2012, когда мы были вынуждены вмешаться в случае InvestPrivatBank, а затем в Banca de Economii, когда мы были вынуждены выделить деньги. После этого все успокоилось. А весной 2014 года мы получили сигналы от экономических агентов, что в ВЕМ что-то происходит, что деньги начинают вращаться, выдаются сомнительные кредиты...

Для меня было рутиной внести в повестку дня обсуждение ВЕМ. Мне было странно, что при внесении субъекта ВЕМ был такой ажиотаж среди депутатов. Когда ко мне пришли предприниматели и показали документы, схемы вывода денег, я испугался. Они показали удостоверение личности, сказали что не боятся, что потеряли бизнес и все чего они хотят это дать показания в НЦБК.” - вспоминает Вячеслав Ионицэ.

Сегодня Вячеслав Ионицэ рассказывает с улыбкой о том, как узнал из документов о кражах в крупных размерах. Тогда, в качестве председателя парламентской комиссии по бюджету и финансам, было много колебаний, прежде чем принять решение. В первую очередь, говорит явно взволнован, он думал об опасности, которой подвергает свою семью.

«Меня шантажировали что у меня шесть уголовных дел, пригодили и спашивали, хочу ли я быть послом. Из-за прессинга, жена уговаривала уйти оттуда и жить нормальной жизнью. Окогда увидел документы в течении двух дней я должен был принять решение: говорю или молчу. (...) В сентябре, когда я предал оглажке махинации в банках, люди еще не понимали что это был заключительный этап. Я был под огромным давлением в течение всего года, я не понимал, почему идет давление. Я получал разные сигналы», говорит Вячеслав Ионицэ.

К середине 2014 года «битва» перешла в публичную сферу, все больше людей были осуждены за хищение миллионов. Тем не менее, экономические эксперты говорят, что преждевременно говорить о том, что преступники были выявлены и привлечены к ответственности. В свою очередь, Вячеслав Ионицэ сказал, что на свободе остаются, по крайней мере несколько десятков людей, вовлеченных сознательно в кражу.

Mark Worth приехал в Молдову по приглашению ПРООН, для содействия в разработке законопроекта по защите осведомителей. По мнению международного эксперта, защита осведомителей является чувствительным вопросом для всего пространства бывшего Советского Союза, где лицо, сообщающее о злоупотреблении до сих пор ассоциируется с доносчиком. Молдова не является исключением.

«Предупреждение о неподкупности, когда сообщаешь о коррупции или коррупционных актах, наносящими ущерб общественному интересу. Мы не говорим о ситуации, когда босс оставил сотрудника без парковочного места. Это когда люди пьют загрязненную воду, сфальсифицированы выборы или где есть коррупция на высоком уровне. Общественность имеет право знать об этом, и осведомитель не должен быть наказан. Скорее он должен быть вознагражден», сообщил Mark Worth.

По мнению эксперта в области антикоррупции, Ольги Быткэ, на данный момент власти пытаются разработать в третий раз законопроект по защите осведомителей. Первые две попытки несоответствовали правам человека и передовой практики в области антикоррупции.

„Я заметила на сайте Минюста два законопроекта, первый несоответствовал требованиям в области прав человека и антикоррупции, второй несоответствовал критериям в области прав человека. Мы не можем обязать сообщать об ущербе нанесенному общественному интересу, если не можем обеспечить соответствующую защиту. Третий законопроект разрабатывается НЦБК при содействии международного эксперта”, говорит эксперт.

Предупреждение о неподкупности, говорит Ольга Быткэ, должно руководствоваться, с одной стороны, добросовестностью лица, которые сообщают о нарушении, а с другой стороны, не менее важным является и профессионализм органов в управлений ситуации.

„Нужен такой закон, который будет защищать в том числе и анонимности, чтобы понять, что сообщение осуществляется для анализа, но особенно для профилактики будущих нарушений. Предупреждение, что сообщение должно быть своевременным, является одним из критериев, чтобы предотвратить другие преступления. Когда человек звонит, и сообщает о нарушениях, должна быть защищена конфиденциальность. Первое место где предупреждение может предотвратить преступления, находится внутри учреждения. Класической реакцией на предупреждение о неподкупности является месть, либо понижение, или перемещение на другую должность. Когда анализируешь детали то замечаешь понижение, скрытую месть более тонкую”, - убеждена Ольга Быткэ.

Самый известный случай отставки человека, который говорил публично о нарушениях является Якоб Гужа. Мужчина был уволен из Генеральной Прокуратуры после того, как предоставил прессе два письма, в которых политики давали указания генеральному прокурору. Якоб Гужа,-объяснил свой жест тем, что, таким образом, преследовал искоренение коррупции в судебной системе. Поскольку не нашел справедливости в национальных судебных инстанциях, адвокат Якоба Гужа решает отправить дело в Европейский Суд по Правам Человека. В итоге, спустя пять лет, ЕСПЧ осуждает Молдову в данном случае и обязует государство выплатить более 18 000 евро, в качестве моральной и материальной компенсации.

Юрий Сажин, строитель по профессии, остался без работы, потому что он осмелился открыто говорить о том, что происходит за закрытыми дверями, в Доме-интернате для детей с ограниченными умственными возможностями в Оргееве.

“Я родился в Оргееве, где и живу до сих пор. Теперь я строитель, но ранее я был учителем. После того, как фирма застройщик, в которой я работаю, выиграла тендер в Доме-интернате в 2012 году, я узнал что твориться за закрытыми дверями. Честно говоря, я не знал, а если бы мне сказал кто-то, даже не поверил бы”, - рассказывает Юрий Сажин.

“В период, когда я делал ремонт в их группах, дети были переведены в другие группы. Они все-таки приходили. Было интересно, как делать ремонт, я им

рассказывал. В один прекрасный день, дети подошли и попросили что-то рассказать. Они сказали: вы знаете, нам некому пожаловаться. (...) Было 10 или 12 детей, которые подошли ко мне и попросили: - Господин Юрий, зайдите пожалуйста в министерство к г-же Булига и скажите ей, через что мы проходим”, - вспоминает мужчина.

Тогда, первый раз шепотом дети рассказали, кого они знали лишь несколько дней, о кошмаре, в котором они жили. Они рассказали об угрозах и побоях, о том как их заставляют работать, как изолируют в темные комнаты, отаут тележки, чтоб они не могли передвигаться, или оставляют без еды и других вещей.

Учителем из того же Интерната, часть нарушений были засняты на мобильный телефон. Это было началом конца.

Мы не раз обращались в полицию, когда дети были побиты. О злоупотреблениях, знали все, но говорить на эту тему запрещалось. Я помню первую реакцию няни, когда я налила полную порцию пищи и воды. Она возмутилась – что вы делаете, посмотрите как она их пичькает. Вы уходите домой, а я с чем остаюсь?» вспоминает Нина Ботнару, преподаватель в интернате.

«Мы писали в прокуратуру, получили ответы от Лидии Попа. Я написал в полицию а получили ответ написанный Лидией Попа.

Попытку уведомить власти, о происходящим в интернате в Оргееве повторил Юрий Сажин. «Я дошел до вицеминистра, рассказал о том что происходит в интернате, а она сказала что это невозможно так как недавно были проверки и ничего не выявили. Я попросил внедрить своего человека чтоб увидеть, что происходит изнутри. Она попросила пройти в приемную и написать заявление, но через 15 минут вышла из кабинета и больше не возвращалась. Даже сегодня заявление не рассмотрено», говорит Юрий Сажин.

На следующий день мужчину вызвали к начальнику и объявили что он уволен. (...) Я подумал что я на свободе, в отличие от этих детей. Я могу пойти жаловаться в полицию, прокуратуру, суд, имеют на это право, но ... они не могут этого сделать. Как защитить? Я не знал, с чего начать. Я напечатал листовки, около 100 штук, и раздавал их на улице прохожим. Это был вызов чтобы привлечь внимание к интернату в Оргееве, ... давайте вместе, не будем безразличным к тем ужасам которые происходят за стенами интерната», сказал Юрий Сажин.

Внимание общественности провлекло после того как СМИ заинтересовались интернатом и провели журналистское расследование. Директор интерната была уволена.

“Что должно сделать государство? Доверять своим гражданам, чтобы поддержать их и сделать все возможное, чтобы не создать культуру страха. Я не говорю, что в Молдове она существует, но важно чтобы государство контролировало процесс.

Право человека на свободу слова должно быть защищено в любое время и в любой ситуации. Если создавать или делегировать задачи учреждений для защиты осведомителей, чтобы защитить свои интересы во все времена и для обеспечения того, чтобы информация о них не стало достоянием общественности без их разрешения. (...) Первое и самое главное, что государство должно сделать, это перестать осуждать и обвинять осведомителей», считает эксперт Mark Worth

Эксперт говорит, что есть решение для ситуаций, когда гражданин сообщает о злоупотреблении, но не чувствуют себя защищенными.

«Теперь, это не очень трудно сделать. У нас есть много технологий, которые позволяют шифровать разговоры, что журналисты или другие люди могут использовать их данные», уверяет эксперт.

Мы спросили людей которые выбрали публично рассказать о злоупотреблениях, было ли им страшно. Вот что они ответили.

«Было страшно? Конечно. Я понимала что интересы большие. Я зрелый человек и понимаю, что очень уязвима. Да, в то время я была очень уязвима. (...) Никто не мог мне помочь. Я сама выбрала свой путь. Я пошла против власти и осознала что за стенами интерната на меня могут напасть на улице»- Нина Ботнар

«Нет, я уверена, что государство не будет защищать меня, если я когда-либо буду в опасности. Я абсолютно убеждена в этом. Я сама по себе» - Дойна Иоана Стрейстяну.

«Коллеги задавали вопрос зачем это нужно? Ничего не докажете. Я отвечала что так или иначе что-то получится», - Луиза Артеменко

Я нанимался на госслужбу. А получилось что автоматически и мои родители и моя жена были вовлечены в этот процесс. Они очутились в ситуации, которую не выбирали. (...) Хочу дать совет другим -не удивляйтесь и не обижайтесь на членов вашей семьи, которые вас не понимают. Они, в отличие от Вас, не принимали это решение. Я думаю, что мир все-таки тогда оценил мои усилия. Позже, но оценили”, – Вячеслав Ионицэ

“Почему важно говорить об этом? Потому что это не нормально, потому что это преступление. Мы говорим, что мы цивилизованные, что мы хотим демократии, но, ведем себя как свиньи. Не все, но многие, только прячутся за красивые слова” – Юрий Сажин.

“Я борюсь, потому что хочу, чтобы народ жил лучше. Покончить с коррупцией, с ложью. У нас хорошие законы, но их нужно соблюдать. У нас все, кто нарушает закон, они защищены. Я обращался в милицию, в правоохранительные органы,

которые призваны нас защищать, но никто ничего не делает. Защищают воров, тех кто нарушает закон. А меня не защищает никто до сих пор”, – Николай Петрович.

В Республике Молдова существует несколько возможностей сообщить о злоупотреблениях, которые противоречат правам человека и общественным интересам, некоторые обеспечивают анонимность.